

АНДРЕАС КАППЕЛЕР – ИСТОРИК РОССИЙСКОГО И УКРАИНСКОГО КАЗАЧЕСТВА (К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Н.А. Мининков

Аннотация. Андреас Каппелер, один из крупнейших современных историков России, 75 лет со дня рождения которого приходится на нынешний год, одной из основных тем своих исследований избрал историю российского и украинского казачества. В своих исследованиях он затрагивал важнейшие ее вопросы. В его концепции казачьей истории выделяются несколько периодов, в которых положение казачества и его роль в событиях и явлениях имеют качественные отличия. Первым периодом он выделяет вольное казачество от конца XV в. до царствования Петра Великого. Второй период относится к казачеству в Российской империи и продолжался до падения самодержавия. В этот период правительство сделало казаков орудием своей внешней и внутренней политики. Следующий период, от революции 1917 г. до завершения второй мировой войны, был временем исторической трагедии казачества и завершения его существования. После этого наступил «мемориальный» период, когда казачество сохранялось лишь в исторической памяти и в явлениях культуры. Результатом движения за возрождение казачества А. Каппелер считал неоказачество, не имеющего реального отношения к историческому казачеству. А. Каппелер поднимал ряд вопросов, имеющих существенное значение для обоснования исторического места казачества и особенностей его культуры. Это – гендерные исследования, вопрос об этничности казачества и о казачестве как о культурно-историческом мифе.

Ключевые слова: А. Каппелер, история российского и украинского казачества, зарубежная историография казачества.

Мининков Николай Александрович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры специальных исторических дисциплин и документоведения Института истории и международных отношений Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42, mininkov@aaanet.ru.

ANDREAS KARPELER – THE HISTORIAN OF RUSSIAN AND UKRAINIAN COSSACKS (TO THE 75th ANNIVERSARY OF HIS BIRTH)

N.A. Mininkov

Abstract. Andreas Kappeler, one of the leading contemporary historians of Russia, whose 75th birthday coincides with this year, has chosen the history of Russian and Ukrainian Cossacks as one of his main research topics. In his studies, he touched upon the most important issues in the Russian and Ukrainian history. His concept of Cossack history highlights several periods in which the position of the Cossacks and their role in the events and phenomena have qualitative differences. The first period he distinguishes is the free Cossacks from the end of the XV century to the reign of Peter the Great. The second period refers to the Cossacks in the Russian Empire and lasted until the fall of autocracy. During this period, the government made the Cossacks an instrument of its foreign and domestic policy. The next period, from the revolution of 1917 to the end of World War II, was a time of historical tragedy of the Cossacks and the termination of their existence. This was followed by a “memorial” period when Cossacks were preserved only in historical memory and cultural phenomena. As a result of the movement for the revival of the Cossacks, A. Kappeler considered the neo-Cossacks to be of no real relevance to the historical Cossacks. A. Kappeler raised a number of issues that are essential for the justification of the historical place of the Cossacks and the characteristics of its culture. These are gender studies, the issue of Cossack ethnicity and Cossacks as a cultural-historical myth.

Keywords: A. Kappeler, history of Russian and Ukrainian Cossacks, foreign historiography of the Cossacks.

В ряду современных историков России немецкоязычных стран Андреас Каппелер по праву занимает самое видное место. В нынешнем году известному ученому исполнилось 75 лет со дня рождения. За последние годы своей активной трудовой деятельности он работал в Венском университете, а в настоящее время является членом редколлегии нашего журнала. Его исследования по российской истории отличаются постановкой современной проблематики, наличием комплексного анализа важнейших явлений и процессов, а также особым вниманием к мифологическому восприятию их в массовом сознании народов России. Еще одной существенной стороной исследований А. Каппелера является проблематика этнической истории стран и отдельных территорий в составе России, в частности, Украины и Среднего Поволжья, а также истории казачества.

Вообще культурно-исторический феномен казачества представлял и представляет для А. Каппелера особый интерес. Это не случайно, если учитывать самую значительную роль казаков в борьбе народов России за вольность, в освоении новых территорий России, в международных отношениях и в войнах, которые вела Российская империя, а также особенности казачьих культурных традиций. То же самое относится к трагической судьбе казачества в советский период. Но вместе с тем дополнительным обстоятельством, привлекавшим внимание А. Каппелера к истории казачества, было наличие обширной историографии, в том числе и зарубежной, а также существование традиции исследований по истории казачества в немецкой историографии. Сам А. Каппелер проявил глубокие знания этой историографии и давал анализ содержащихся в них положений и выводов.

Общие сведения по истории казачества и оценки его исторической роли содержатся в трудах А. Каппелера по истории России [Kappeler, 2002] и Украины [Kappeler, 2009; Kappeler, 2017]. Его обобщающий труд по казачьей истории и культуре [Kappeler, 2013] не только основан на конкретном фактическом материале, но и дает представление о казачестве в истории России и Украины как о специфическом явлении и о мифологии на тему казачьего прошлого за несколько веков. В значительной мере влиянием мифологизации этого прошлого он объяснял такое явление в социально-политической и культурной жизни новейшей России, как движение за возрождение казачества. Впрочем, участников этого движения историк не относит к историческому казачеству и называет их не иначе, как неоказаками [Kappeler, 2013, s. 90].

Среди важнейших вопросов истории казачества, выделенных А. Каппелером, прежде всего стоит вопрос о его происхождении. Он отвергает все теории, в которых говорилось о «старых автохтонных корнях казачества», и характеризует их как «спекулятивные» [Kappeler, 2013, s. 13]. Начало восточнославянского казачества он относит, в соответствии с данными источников, к концу XV в. Вместе с вопросом о происхождении казачества ученый раскрывает смысл понятия «казак». Он соглашается с самой распространенной в историографии точкой зрения о тюркском его происхождении и указывает, что понятие «казак» применялось по отношению к «образу жизни и специальным функциям» людей из военизированных сообществ,

сложившихся на степных реках Юго-Восточной Европы. Особо подчеркивает А. Каппелер способность этих сообществ принимать в свою среду не только выходцев из русских и украинских земель, но и представителей соседних народов. Более всего, пишет он, такая способность была заметна среди терских казаков, среди которых встречались не только люди, относившиеся к народам Северного Кавказа, но также грузины и армяне. Он при этом соглашается с тем, что среди казаков преобладали «бывшие крестьяне, которые уходили от усиливавшегося гнета помещиков и государства на степной рубеж» [Kappeler, 2013, s. 13], что особенно относится ко времени после принятия Уложения 1649 г. и завершения юридического оформления крепостного права.

Первым большим периодом в истории казаков А. Каппелер выделял время, когда существовало казачество «вольное» «на островах Днепра, Дона и Волги», а «с конца XVI в. на Тереке и Яике». Он подчеркивал, что ранние сообщества казаков были воинскими и мужскими и «имели особый эгалитарный уклад» [Kappeler, 2013, s. 13], то есть были построены на началах демократии и равенства. Но если основы демократического устройства казачества и его развитие во внутреннем укладе казачьих войск получало весьма широкое освещение в историографии, то особое внимание к раннему казачеству как к мужскому сообществу в современной отечественной историографии за последнее время уделяла М. А. Рыблова [Рыблова, 2006]. Дальнейшее исследование намеченной А. Каппелером темы казачества как мужского воинского сообщества позволяет уяснить некоторые особенности казачьей культуры, в которой казаки, прежде всего запорожцы, воспринимали себя как западноевропейское рыцарство, которое также являлось воинским мужским сообществом.

Война как образ жизни вольного казачества прослежен А. Каппелером при характеристике боевых действий запорожских и донских казаков на море и на суше против Крыма и Османской империи. В то же время историк правомерно не ограничился демонстрацией военных действий между казаками и этими государствами и указал на наличие сотрудничества и неконфронтационных отношений между сторонами. Такой подход правомерен и позволяет избежать односторонности при их освещении в пользу абсолютизации одной стороны этих отношений, которую составляла война. По пути комплексного исследования неконфронтационных отношений казаков с мусульманскими государствами на рубеже XVII–XVIII вв. шел в последние годы Д. В. Сень [Сень, 2009]. Еще одной стороной истории вольного казачества были массовые движения. Особенно значительную роль в них, согласно Каппелеру, сыграли украинские казаки в 1648 г. при Богдане Хмельницком. Это движение историк называет революционным, но революция была, по его характеристике, «национально-религиозная» [Kappeler, 2017, s. 50]. Украинские казаки во главе с Хмельницким, подчеркивает Каппелер, создали гетманат, который в украинской историографии рассматривается как первое украинское национальное государство и предшественник нынешней Украины [Kappeler, 2017, s. 50]. Отсюда не случайно, подчеркивает он, что казаки

«остаются главными героями украинского национально-исторического мифа» [Karpeler, 2017, s. 52]. Поэтому он считает далеко не случайной попытку гетмана Мазепы использовать вторжение шведов для установления независимости гетманата, которая окончилась для гетмана неудачно и привела к его скорой гибели. А. Каппелер указывает на крайне негативные характеристики Мазепы в российской и советской историографии, в которых он выступал как образец предателя [Karpeler, 2009, s. 89]. За последние годы в исследованиях Т.Г. Таировой делается попытка более точно и глубоко, без налета мифологии и огульных обвинений, понять отношения между Мазепой и Петром I, характер гетмана и его замыслы [Таирова-Яковлева, 2011].

Говоря о роли донских казаков в массовых народных движениях в России, А. Каппелер отмечал, что память о Степане Разине и о его казаках сохранилась в народе, о чем свидетельствует русский фольклор. Сам он видит Разина в образе известного в культуре стран Западной Европы «благородного разбойника» [Karpeler, 2013, s. 41]. Но, в отличие от устоявшейся в российской историографии концепции, согласно которой поражение Разинского восстания привело к существенному изменению положения войска Донского, А. Каппелер не считал, что такое изменение было сколько-нибудь серьезным. Присяга на верность царю, которую вынуждены были принести донские казаки, имела в большей степени, по его мнению, «символическое значение» [Karpeler, 2013, s. 44]. Значительно более серьезные последствия, согласно А. Каппелеру, имело для войска Донского Булавинское восстание. Это и массовое истребление казаков в ходе подавления восстания, которое А. Каппелер уподобляет «этнической чистке», и то, что поражение этого восстания позволило русскому правительству «войско Донское последовательно интегрировать в состав империи» [Karpeler, 2013, s. 45]. Он указывал также на то, что под воздействием политики русского правительства войско Донское «трансформировалось из эгалитарного братства в закрытое иерархическое сообщество» [Karpeler, 2013, s. 45]. Как «последний бунт» казаков рассматривает А. Каппелер Пугачевское восстание. Он справедливо подчеркивал, что к восставшим казакам присоединялись в ходе восстания другие слои населения России, в том числе народы Поволжья. Указывая на самозванство вождя восставшего народа, А. Каппелер поднимал тем самым вопрос об архетипах культуры казачества и массового народного движения вообще, для которого была необходима опора на легитимную власть, в роли которой выступал принятый на себя Пугачевым образ императора Петра III. В современной российской историографии вопрос о культурных архетипах в Пугачевском восстании рассматривается В.Я. Маулем [Мауль, 2005].

Новый большой период в истории казачества, согласно А. Каппелеру, продолжался с XVIII в. до революционных событий в России начала прошлого века. «Лояльные слуги царей» [Karpeler, 2013, s. 53], — так определял историк общее положение казаков в Российской империи. В отличие от предыдущего этапа в истории казачества, когда оно было вольным, казачьи войска уже

не формировались стихийно, независимо от государственной власти. В условиях Российской империи самодержавие, как подчеркивал А. Каппелер, само создавало новые казачьи войска, а некоторые из них ликвидировало. Так было ликвидировано, отмечал он, в 1764 г. украинское гетманское правление, казачье по своему происхождению [Kappeler, 2009, s. 93–94]. На протяжении конца XVIII–XIX вв. был создан ряд новых казачьих войск по рубежам империи. Само казачество образовало особое сословие империи, причем высшие казачьи офицеры, ранги которых соответствовали рангам российских армейских офицеров, были включены в состав дворянства, а начиная с полковников в дворянство потомственное [Kappeler, 2013, s. 58]. Эти казачьи войска стали, по его оценке, орудием внешней и внутренней политики российского самодержавия. По его словам, «терские и кубанские казаки участвовали в составе русской армии в кровавой войне» на Кавказе, и, к этому можно добавить, и донские казаки. Не вполне точно его выражение, что война привела «к изгнанию почти всех черкесов» [Kappeler, 2013, s. 63]. Было бы более точно указать, что изгнанию подверглись родственные черкесам убыхи [Хафизова, 2010]. Совершенно справедливо А. Каппелер указал на роль казаков в подавлении восстаний в Польше и революционных выступлений в России 1905 г. «Палачи самодержавия», – так обобщенно он оценивал действия казаков, направлявшихся правительством против народа, и отмечал, что «было жизненным» изображение «конных казаков, которые «бьют нагайкой толпу» [Kappeler, 2013, s. 63]. В то же время А. Каппелер указывал на обострение экономических проблем, с которыми сталкивалось казачество. К ним он относил сокращение земельного пая, что заставляло экономистов из Донского статкомитета начала XX в. бить тревогу и предлагать свои решения этой проблемы. То же самое относилось к увеличению затрат на военную службу, на которую, по традиции, казаки снаряжались за свой счет. Каппелер указывал, что в пореформенный период и в начале XX в. стала высказываться мысль об изживании казачества, о превращении его в анахронизм [Kappeler, 2013, s. 62]. О том, что А. Каппелер был прав и эта мысль была распространена весьма широко, свидетельствует даже появление в очерке о донских казаках из «Живописной России» Д.Л. Мордовцева слов о том, что казачество «представляется одною из вымирающих форм жизни» [Живописная Россия, 1899, с. 31]. Но даже в таких условиях царское правительство, отмечает А. Каппелер, твердо стояло за сохранение казачества. Тем не менее, к февралю 1917 г. кризис самодержавия был настолько глубок, что, по замечанию А. Каппелера, лишь «немногие казаки остались верны старому режиму» [Kappeler, 2013, s. 63].

С революционных событий 1917 г. начался, согласно А. Каппелеру, новый этап в истории казачества. Суть его историк выразил в словах «казаки в катастрофах XX века» и «актеры и жертвы» [Kappeler, 2013, s. 67]. Выражено весьма удачно. В самом деле, эти события обернулись для казачества катастрофой поражения в гражданской войне, рассказывания и массовых репрессий в ходе коллективизации и помимо нее. Что касается упоминание об «актерах», то оно также

не случайно, поскольку в ходе развернувшейся в стране гражданской войны происходило возрождение казачьей архаики и ее символов в рамках исторического мифа о казачестве, который имел глубокие корни в русской и украинской культуре, среди самих казаков. А. Каппелер приводил немало примеров того, как в украинском обществе периода гражданской войны нашли соединение символы казачьей старины наподобие Рады и сечевых стрельцов с таким символом революционного прошлого, как слово «Директория», отсылающего к воспоминаниям о Великой Французской буржуазной революции. Вместе с тем к этому можно добавить, что подобная тяга к казачьей архаике, замешанной на мифологемах о прошлом казачества, не в меньшей степени имела место на Дону и Кубани, а также в Сибири. Отсюда и Всевеликое Войско Донское, и Кубанская Рада со своими противоречиями между кубанскими казаками из числа черноморцев и линейцев, и воспоминания о боевой казачьей вольнице во времена Ермака Тимофеевича среди казачьих войск Сибири. Такая тяга была очень заметна, что давало основание в 1930 г., уже после гражданской войны, историку гражданской войны на Юге России Н.Л. Янчевскому говорить о «реакционной романтике».

По существу, для освещения темы казачества в период революции и гражданской войны А. Каппелером предложен особый теоретический подход, в рамках которого не только соединяется анализ исторических фактов с историческими мифами. Сами мифы предстают как полноценный исторический факт, оказывающий свое влияние на реальные события и на судьбы людей, втянутых в их водоворот. Такой подход позволяет более полно и точно представить характер событий и явлений этого исключительно сложного периода в истории казачества и страны вообще и понять, как воспринимались они современниками.

Трагедию казачества А. Каппелер завершал периодом Второй Мировой войны, когда часть казаков перешла на службу гитлеровцам. Он указывал на идеологию участия казаков в войне на стороне Германии и на мифологию в качестве подобранной для нее гитлеровскими и казачьими идеологами исторической основы, которой была теория остготского, то есть вполне арийского происхождения казачества [Kappeler, 2013, s. 82–83]. Страницу истории казачества, связанную с участием в войне на стороне Германии, историк с полным на то основанием характеризует как «бесславная глава» [Kappeler, 2013, s. 86].

Выделял ли А. Каппелер следующий после второй мировой войны этап казачьей истории? Он указывал, что уже в 1947 г. были распущены казачьи подразделения Советской Армии [Kappeler A., 2013, s. 87]. По существу, в истории казачества наступил перерыв на несколько десятилетий. Но с конца восьмидесятых годов, в условиях системного кризиса советского режима, началось движение за возрождение казачества, на которое А. Каппелер указал как на движение общественное. Участников этого движения он называет неказаками, не считая возможным связывать их с историческими казаками, а объединялись они не по территории или по происхождению, а «по общности убеждения» [Kappeler, 2013, s. 87]. Он при этом

верно отметил, что такие «отдельные неказацки группы тесно связаны с реакционными, частично экстремистскими движениями» [Kappeler, 2013, s. 90]. Правота А. Каппелера в этом отношении совершенно очевидна.

Теоретическое обоснование исторического процесса находит наглядное проявление в его периодизации. А. Каппелер дает четкую периодизацию истории казачества. По его периодизации, вольное казачество от времени своего возникновения в конце XV в. просуществовало до реформ Петра I, когда оно было полностью подчинено государству. Новым этапом в истории казачества было его существование в условиях Российской империи. Качественное отличие заключалось в том, что вольность ушла в прошлое, а Булавинское восстание, в котором донское казачество было разгромлено государством, являлось последней попыткой сохранения этой исторической вольности. На этом новом этапе казачество полностью стало орудием внешней и внутренней политики самодержавия. Но по мере развертывания модернизационных процессов, следствием которых А. Каппелер указывал такие его элементы, как рост материальной тяжести для казаков службы за свой счет и все более ощущавшуюся нехватку паевой земли, складывались предпосылки для вывода о казачестве как о вымирающей форме общества. В условиях краха Российской империи казачество сделало в ходе гражданской войны попытку обеспечить свое существование в новых исторических условиях с обращением к мифологизированному прошлому и с реставрацией некоторых его сторон. Однако поражение казачества в гражданской войне привело к наступлению нового этапа в его истории. Последним историческим событием, в котором казачество проявило себя, как указывает А. Каппелер, была Вторая Мировая война, в которой казаки воевали как на стороне нацистской Германии, так и составе Красной Армии и ее казачьих соединений. Согласно А. Каппелеру, этот этап закончился с роспуском в 1947 г. казачьих соединений Советской Армии. Следующий этап в истории казачества, начиная с послевоенного времени, был своего рода мемориальным этапом. Проявление его А. Каппелер видел в некоторых явлениях культуры, в танцевальных и хоровых группах под контролем Советского государства [Kappeler, 2013, s. 87]. Возрождение казачества с конца восьмидесятых – начала девяностых годов А. Каппелер не относит собственно к истории казачества, но говорит о неказаках, а сам процесс такого возрождения связывает с соединением культурно-политических реалий и запросов современности и мифологием массового сознания, относящихся к казакам.

Одним из современных направлений научного исторического познания является гендерное исследование. А. Каппелер по существу поставил в качестве новой исследовательской проблемы такую сторону истории казачества, объектом которой становится казачка и роль семьи в жизни казачьего сообщества. При этом он справедливо указывает, что даже в условиях существования вольного казачества мужские рыцарские союзы просуществовали не столь уж долгое время, и семейная жизнь у казаков имела место уже в XVII в. [Kappeler, 2013, s. 92].

Еще одним важным теоретическим вопросом, относящимся к истории казачества и выдвинутым А. Каппелером, является вопрос об этничности казачества. Он отмечал стремление отдельных идеологов казачества говорить об особом казачьем народе, но подчеркивал слабость их аргументации. Определялась она, согласно А. Каппелеру, пестротой этнического происхождения казачества, их связью с русской и украинской культурой, а также внутренними противоречиями в самой казачьей среде. Особая казачья нация, согласно А. Каппелеру, была лишь проектом определенной части казачьих политиков начала XX в. Тенденций к формированию казачества как особого этноса А. Каппеллер не видел даже в период до революции и гражданской войны. Тем более их не было в условиях советской власти. Также А. Каппеллер выдвинул проблему казачества как образа культуры и как исторического мифа. Подход А. Каппелера к исследованию мифа состоит в том, что для него исторический миф не только объект культуры, но и «движущая сила истории» [Kappeler, 2013, s. 105]. В таком подходе заметно обращение к методологии исторического исследования новейшего времени, в котором проблемам восприятия прошлого в сознании человека и общества и понимания человека и общества прошлого придается первостепенное значение. Перспективными, на взгляд А. Каппелера, являются сравнительные исследования пограничных сообществ и жизни в разных регионах мира на стыке цивилизаций и культур с их сложными формами сосуществования и взаимодействия. Казачество является одним из таких пограничных сообществ. При этом А. Каппеллер весьма скептически относится к достаточно популярному в современной российской историографии стремлению рассматривать положение в пограничье в свете теории фронта Ф. Тернера, допуская при этом возможность использования ее элементов при анализе положения в Сибири и истории сибирского казачества [Kappeler, 2013, s. 105].

Книга А. Каппелера о казачестве, переведенная в 2014 г. на русский язык [Каппелер, 2014], рассчитана также на широкого немецкоязычного читателя, интересующегося историей России и Украины и проблемами казачества. Вместе с тем в этой книге и в других исследованиях А. Каппелера по казачьей истории поднимается ряд проблем, относящихся не только непосредственно к ней, но и имеющих более общее теоретическое и методологическое значение, а сами эти исследования насыщены теоретическими вопросами. В этом интерес к исследованиям историка о казачестве для современной отечественной исторической науки и для российского читателя.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Живописная Россия. СПб.: Изд. товарищества М.О. Вольф, 1899. Т. 7. Ч. 2. 304 с.
Каппеллер А. Казачество. История и легенды. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2014. 104 с.

Мауль В. Я. Социокультурные аспекты изучения русского бунта. Томск: Изд-во ТГУ, 2005. 160 с.

Рыблова М. А. Донское братство. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. 544 с.

Сень Д. В. Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII–начало XVIII в.). Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2009. 280 с.

Таирова-Яковлева Т. Г. Иван Мазепа и Российская империя. История «предательства». М.: Центрполиграф, 2011. 525 с.

Хафизова М. Г. Убыхи: ушедшие во имя свободы. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2010. 160 с.

Kappeler A. *Die Kosaken: Geschichte und Legenden*. München: Verlag C.H. Beck, 2013. 127 s.

Kappeler A. *Kleine Geschichte der Ukraine*. München: Verlag C.H. Beck, 2000. 298 s.

Kappeler A. *Russische Geschichte*. München: Verlag C.H. Beck, 2002. 112 s.

Kappeler A. *Ungleiche Brüder: Russen und Ukrainer vom Mittelalter bis zur Gegenwart*. München: Verlag C.H. Beck, 2017. 267 s.

REFERENCES

Zhivopisnaja Rossija [Picturesque Russia]. SPb.: Izd. tovarishchestva M.O. Volf, 1899. T. 7. Ch. 2. 304 p. (in Russian).

Kappeler A. *Kazachestvo. Istoriya i legendy* [Cossack. History and legends]. Rostov-na-Donu: Izd-vo JuFU, 2014. 104 p. (in Russian).

Maul V. Ja. *Sociokulturnye aspekty russkogo bunta* [Socio-cultural aspects of the study of the Russian revolt]. Tomsk: Izd-vo TGU, 2005. 160 p. (in Russian).

Ryblova M. A. *Donskoe bratstvo* [Don Brotherhood]. Volgograd: Izd-vo VolGU, 2006. 544 p. (in Russian).

Sen' D. V. *Kazachestvo Dona i Severo-Zapadnogo Kavkaza v otnoshenijah s musulmanskimi gosudarstvami Prichernomorja (vgoraja polovina XVII–nachalo XVIII v.)* [Cossacks of the don and the North-West Caucasus in relations with Muslim States of the black sea region (the second half of the XVII–the beginning of the XVIII century)]. Rostov-na-Donu: Izd-vo JuFU, 2009. 280 p. (in Russian).

Tairova-Jakovleva T. G. *Ivan Mazepa i Rossijskaja imperija. Isyoriya "predatelstva"* [Ivan Mazepa and the Russian Empire. History of "betrayal"]. M.: Centrpoligraf, 2011. 525 p. (in Russian).

Hafizova M. G. *Ubyhi: ushedshie vo imya svobody* [Ubykh: gone in the name of freedom]. Nal'chik: Izd-vo M. i V. Kotlyarovyh, 2010. 160 p. (in Russian).

Kappeler A. *Die Kosaken: Geschichte und Legenden* [The Cossacks: history and legends]. München: Verlag C.H. Beck, 2013. 127 s. (in German).

Kappeler A. *Kleine Geschichte der Ukraine* [Small history of Ukraine]. München: Verlag C.H. Beck, 2000. 298 s. (in German).

Kappeler A. *Russische Geschichte* [Russian History]. München: Verlag C.H. Beck, 2002. 112 s. (in German).

Kappeler A. *Ungleiche Brüder: Russen und Ukrainer vom Mittelalter bis zur Gegenwart* [Unequal brothers: Russians and Ukrainians, from the Middle ages to the present]. München: Verlag C.H. Beck, 2017. 267 s. (in German).